

А.А. Плясуля**Коммуна «Жизнь и труд» как
социальный и идеологический феномен**

Некоторые из образцовых сельскохозяйственных коммун Советского Союза в 1920–1930-е годы пытались вырваться вперед в своем развитии не благодаря, а вопреки государственным, бюрократическим методам построения социалистического общества. В первую очередь, это относится к коммуна́м толстовцев. В то время как государство часто использовало коммуны как инструмент для выкачивания ресурсов из деревни, устанавливая всевозможные нормы посева и выдачи сельскохозяйственных культур, некоторые коммуны были не согласны с подходами государства, предлагали и реализовывали собственный, наиболее оптимальный, по их мнению, путь социально-экономического развития. Идеологи создания этих коммун являлись энтузиастами, но со своими взглядами на те или иные проблемы. Все это неизбежно порождало столкновение коммун и государственно-партийных структур. Таким образом, в социальном плане в деревне наблюдается столкновение демократического и бюрократического подходов к социальному развитию деревни. Ярким примером подобной тенденции является толстовская коммуна «Жизнь и труд», ставшая последним оплотом толстовского движения, зародившегося еще в 80-х годах XIX века.

Территориальные рамки данного исследования охватывают Московскую область в районе Шестаковки (там коммуна «Жизнь и труд» была основана) и Кузбасс, когда коммуна переехала в Западную Сибирь. Хронологические рамки включают период с 1921 до конца 1930-х годов. При этом основное внимание уделяется 1930-м годам, когда коммуна обосновалась в Сибири и выработала окончательный вариант устава.

Данная коммуна заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, толстовские сельскохозяйственные объединения, как и само толстовство, были табуированной темой для советской историографии. Эта ситуация была связана с распространенным в те годы ленинским положением о том, что толстовство было эффективным в пореформенные годы, но к революции 1905–1907 гг. идеологически исчерпало себя. Интерес к коммуне «Жизнь и труд» поднялся только в течение последней четверти века, когда произошло переосмысление достижений и потерь советского прошлого. Наиболее обстоятельная работа о толстовских коммунах и артелях принадлежит Т.В. Петуховой¹. Говоря о самой «Жизни и труде», можно сказать, что больше всех на данный момент она удостоилась внимания Б.А. Гросбейна, сына одного из членов этой коммуны Арона Гросбейна. Этот собиратель документов об истории коммуны в рамках кемеровского альманаха «Голоса Сибири» ведет рубрику «Толстой и Сибирь», где значительная часть документальных очерков принадлежит его перу, в основном посвященных коммуне «Жизнь и труд»². Отдельные аспекты её жизни тоже привлекают внимание не только историков. Ю.В. Лихачева, занимающаяся творче-

Плясуля Антон Александрович, студент Новосибирского государственного университета.
Эл. почта: anto252@rambler.ru

¹ Петухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917–1929 гг.). Ульяновск, 2008.

² Голоса Сибири. Вып. 1–9. Кемерово, 2005–2009.

ством Гюнтера Тюрка, видного поэта и учителя в коммуне, организовала конференцию в честь столетия со дня его рождения, прошедшую в ноябре 2011 г. в Новосибирской государственной областной научной библиотеке¹. Нельзя не упомянуть диссидента, филолога по образованию, Марка Поповского, написавшего о коммуне «Жизнь и труд» документальную повесть «Русские мужики рассказывают...», которая впервые была опубликована в 1983 г. в Лондоне, а российскому читателю стала известна благодаря ее публикации в журнале «Урал» в 1992 г.² Наиболее изученными вопросами в историографии о толстовстве можно назвать социальный состав толстовских артелей и коммун, их численность и динамика развития, идейные истоки коммун. Однако требуется более подробное исследование идеологического аспекта коммуны «Жизнь и труд», а также особенностей социального поведения ее членов.

Во-вторых, толстовские объединения являлись не сугубо российским феноменом, а объектом международного научного интереса, так как аналоги толстовским коммунам известны и за рубежом. Можно вспомнить толстовские колонии 1890-х годов в Великобритании, толстовскую земледельческую коммуну Болгарии, созданную в 1926 г. и существовавшую до конца 1940-х годов и т.д. В наши дни последователи толстовства имеются в Западной Европе, Северной Америке, Японии, Индии, Болгарии и других странах³.

В-третьих, толстовство в наши дни актуально потому, что его последователи существуют и в России в лице религиозной организации «Толстовцы». Её члены являются представителями новотолстовства – движения, возникшего сравнительно недавно и существенно отличающегося от классического толстовства⁴.

Л.Н. Толстой создал утопическую концепцию этического социализма, предусматривавшую движение общества к идеалам добра, братства, мира и свободы при помощи более гуманных средств, чем метод революционного насилия. Он предлагал следующую формулу: революция сознания плюс эволюционное развитие экономических отношений и политических структур. Этические идеи и принципы Толстого и опыт его последователей, пытавшихся претворить в жизнь концепцию этического социализма, в настоящее время представляют огромный интерес. Бесспорно, многое в деятельности толстовцев носило ярко выраженный утопический характер. Однако опыт толстовцев ценен для нас как попытка жить в соответствии со своей совестью.

Каковы были основополагающие идеологические мотивы деятельности коммуны «Жизнь и труд»? В чем выразалось социальное поведение коммунаров-толстовцев? И самое главное, как такая коммуна смогла просуществовать до конца 1930-х годов, когда не существовало никаких объективных предпосылок и условий для оппозиционных по отношению к государству объединений? Таковы проблемы, поднимаемые автором данного исследования.

¹ Самостоянье человека. Поэт-толстовец Гюнтер Тюрк: материалы международной конференции, посвященной столетию со дня рождения поэта. Новосибирск, 2012.

² Поповский Марк. Русские мужики рассказывают... // Урал. 1992. № 8, 10, 12.

³ Гроссбейн Б.А. Последователи Льва Толстого в Сибири // Голоса Сибири. Выпуск 1. Кемерово, 2005; Воробьев И.А. Толстовские колонии в Англии во второй половине 1890-х годов // Вестник Балтийского университета им. И. Канта. 2011. № 6.

⁴ Толстовское движение: документы и материалы. Выпуск 1. М., 1996

Что представляло собой толстовство? Это религиозно-этическое учение, возникшее в России в 1880-х годах под влиянием религиозно-философских идей Л.Н. Толстого. Основы толстовства изложены Толстым в работах «Исповедь», «В чем моя вера?», «Церковь и государство» и др.¹ Главными принципами толстовства являются непротавление злу насилием, всепрощение, всеобщая любовь и нравственное самоусовершенствование личности, опрощение. Для религиозных взглядов в рамках толстовства характерны синкретизм. На учение Толстого повлияли различные идейные течения, но идея рассматривать христианство как непротавление злу является самостоятельной.

Что касается толстовских объединений, то все началось с возникновения колоний толстовцев в Тверской, Симбирской, Харьковской губерниях и в Закавказье. Эти колонии получили название «культурных скитов». Толстовство нашло последователей в Западной Европе, Японии, Индии. Сторонником толстовства был, в частности, Махатма Ганди. В 1890–1900-х годов толстовские колонии создавались в Англии и Южной Африке. Верующие-духоборы нашли в идеях Толстого сходство с их собственными традициями и в 1895 г. воплотили их в жизнь, отказавшись от военной службы и уничтожив имеющееся у них оружие, за что были репрессированы². В дальнейшем они также согласно идеям Л.Н. Толстого отказались от употребления мяса, алкоголя и табака. Последствия деятельности толстовцев не заставили себя долго ждать. В 1897 г. толстовство было объявлено сектой. В 1901 г. Толстой был отлучен от церкви, а его сторонники подверглись арестам и высылке. В Российской империи независимые трактовки христианства были недопустимы, а вегетарианство в науке того времени считалось нездоровым (согласно немецкой диетологии). Толстовцы активно занимались просвещением. Самый яркий пример – основанное В.Г. Чертковым и П.И. Бирюковым издательство «Посредник», которое издавало произведения Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Г.И. Успенского и других писателей, пособия по агрономии, ветеринарии, гигиене³.

В СССР 1920-х годах также создавались толстовские объединения в виде сельскохозяйственных артелей и коммун. Однако отношение старой толстовской интеллигенции к данному явлению было неоднозначным. Если В.Г. Чертков и П.И. Бирюков поощряли деятельность коммуны «Жизнь и труд» и были идейными вдохновителями ее переселения в Сибирь⁴, то К.С. Шохор-Троцкий выступал против создания коммун⁵. Подобную неоднозначность отчасти можно объяснить тем, что Л.Н. Толстой настороженно относился к попыткам объединения толстовцев в колонии. Он чувствовал, а, возможно, и знал, что в этих коммунах возникают ссоры и недоброжелательные взаимоотношения. В таких условиях жизнь «миром» для Толстого теряла всякий смысл. Среди толстовцев, безусловно, были люди, разделяющие данную мысль.

Коммуна «Жизнь и труд» была основана по инициативе толстовца-публициста Б.М. Мазурина, ставшего руководителем объединения, в 1921 г. в Подмосквье, на территории бывшего помещичьего имения Шестаковка. Стоит отметить, что отношения коммунаров с государственной властью и правительственными чиновниками бы-

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 26. М., 1977. С. 49.

² Петухова Т.В. Коммуны и артели толстовцев в Советской России... С. 20

³ Там же.

⁴ Гроссбейн Б.А. Последователи Льва Толстого в Сибири... С. 610.

⁵ Воспоминания крестьян-толстовцев 1910-е – 1930-е годы. М., 1989. С. 111.

ли сложными. Коммуны пытались сосуществовать с государством таким образом, чтобы не нарушать законов и одновременно жить согласно собственным принципам и установкам. Подобное мирное сосуществование, как считает Е.Д. Мелешко, оказалось возможным лишь до тех пор, «пока сельское хозяйство России, разоренное революцией, гражданской войной, национализацией и распределением земель не могло давать достаточно продукции»¹. К тому же в 1917–1927 гг. советская власть еще сохраняла элементы демократичности и допускала некоторый плюрализм в формах хозяйственной и культурной жизни. Именно в этот период толстовское земледельческое движение достигло наибольшего расцвета и пользовалось относительной свободой. Но начавшаяся в конце 1920-х годов коллективизация ликвидировала коммуны юридически, передав их хозяйства в собственность колхозов. Под различными предлогами (отсутствие государственного кредитования, хозяйственное ослабление и т.д.) власти упраздняли коммуны². Так были ликвидированы Тайнинская сельхозартель и Новоиерусалимская коммуна. В связи с этим в 1930 г. коммуна «Жизнь и труд» обратилась в Президиум ВЦИК с просьбой отвести коммуне другой участок земли, на котором ее члены могли бы свободно трудиться. Причина данного намерения заключалась в том, что в 1930–1931 гг. Европейскую часть РСФСР уже охватила коллективизация, и почти все одиночные хозяйства и толстовские объединения были ликвидированы. Сибири на тот момент данное явление пока коснулось слабо, и естественно, что толстовцы искали здесь свободной жизни в соответствии с убеждениями. В итоге коммуна «Жизнь и труд» обосновалась в Сталинском районе Кузбасса.

В данной коммуне объединились люди очень разного социального происхождения: выпускники Московского университета и Ленинградской сельскохозяйственной академии, бывалые огородники и работники от сохи, бывшие священники. Их объединяло желание свободно трудиться на земле, абсолютно трезвый образ жизни, вегетарианство. В коммуне «Жизнь и труд» изначально было мало интеллигентов. Большинство коммунаров составляли крестьяне, многие из которых были членами близких толстовцам сект.

На первом этапе существования «Жизни и труда» у коммунаров были единомышленники в лице Е.М. Сержанова и Швильпе, входившие в группу «Ао». Данную группу упоминает в своих воспоминаниях Мазурин. Первоначально эти люди являлись анархистами, а затем «отделились в свое особое течение». Сержанов и Швильпе считали себя не анархистами, а экстархистами, то есть «внегосударственниками», как и толстовцы. Однако в их взглядах было одно существенное отличие от идеологии толстовцев. Если толстовцы стремились к естественному, то экстархисты считали, что «все в области человеческой жизни без исключения надо совершенствовать, изобретать»³. Данное расхождение со сторонниками Б. Мазурина являлось для последних не столь значительным. Тем более, что «аоисты» также являлись антимилитаристами, вегетарианцами и отрицали государство. Общие убеждения создавали прочную почву для идейной близости экстархистов с толстовцами. Однако у экстархистов был клуб, где проводились научные эксперименты. В то время как хозяйст-

¹ Мелешко Е.Л. Толстовские земледельческие коммуны // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/library/14_n/en/asilie_04.htm

² Там же.

³ Воспоминания крестьян-толстовцев... С. 98.

венная деятельность коммуны «Жизнь и труд» была ориентирована на земледелие, Сержанову и Швильпе хотелось работать в научно-экспериментальном направлении. К сожалению, скудность сведений об «Ао» не позволяет в полной мере реконструировать историю существования этой группы.

Мазурин не был согласен с мнением, распространенным в среде части толстовской интеллигенции, что в коммуну нужно идти исключительно для духовного единения и что в там должны исчезнуть собственнические интересы. В его воспоминаниях нашли отражение следующие подходы к организации жизни коммунаров:

- 1) стараться соединяться со всеми людьми в хорошем, а не только с членами коммуны, ибо единение только со своими – не что иное, как сектантство;
- 2) коммуна – не монастырь, поэтому толстовцы не отказывались от мирской жизни со всеми ее радостями и страданиями;
- 3) собственнические инстинкты не преследуются, так как собственность, хотя и коммунальная, остается собственностью;
- 4) человек, живя или не живя в коммуне, остается со своими слабостями и со стремлением совершенствоваться, так что не за тем собрались толстовцы, чтобы перечеувать друг друга, а вокруг земли и труда ¹.

Данные основополагающие установки существования коммуны показывают, что «Жизнь и труд» не являлась сектой. Напротив, доступ в коммуну для новых членов-единомышленников оставался открытым. И этим толстовские общины противопоставляли себя артелям, в которых, по мнению толстовцев, «вся забота была сосредоточена на благосостоянии своей семьи, от остальных они отгораживались» ². Коммуны толстовцев стремились идти навстречу всем тем, кто нуждался в помощи, в частности малоимущим людям.

В отношении труда толстовцы стремились реализовать принцип «золотой середины». С одной стороны, недопустим чрезмерно тяжелый труд, когда не хватает времени на отдых. С другой стороны, неприемлема и жизнь без труда. Главным для толстовцев было стремление работать с желанием.

По стилю питания толстовцы были вегетарианцами. Именно этим они часто объясняли свое неучастие в мясозаготовках и в целом непричастность ко всему, что связано с убоем скота. Жизнь животных, как и человека, осознавалась ими как священная. Животных не использовали при вспашках. Вегетарианство было прописано в уставе «Жизни и труда» как обязательное условие для вступления в коммуну: «Членами коммуны могут быть трудящиеся... отрицающие употребление дурманов: водки, табака и др. и мяса». В связи с этим в хозяйстве толстовцы делали акцент на земледелие и растениеводство.

Главная нравственная основа жизни коммунаров состоит в том, что они являлись противниками не только административного, но и любого другого принуждения в свободной жизни человека. Толстовцы не признавали государства в целом. Основной жизни они считали «свободное, разумное взаимодействие между собой и со всем человечеством без насилия, подчинения и порабощения». Если вспомнить взгляды Л.Н. Толстого, то в поздний период творчества писатель рассматривал власть и государство как «насилие одних людей над другими при помощи закона че-

¹ Воспоминания крестьян-толстовцев... С. 111.

² Там же. С. 163

ловеческого». Он не отрицал государства, а только не мог быть его членом. Толстовцы желали добровольно трудиться для общества. Но государство устанавливало нормы сдачи зерна и прочих сельскохозяйственных продуктов, требовало у коммунаров регистрироваться в земельном отделе. Против государственных обязательств и протестовали толстовцы, поскольку считали, что «здесь есть сторона принуждения, откуда вытекает диктатура, вытекает и государство»¹. Все это противоречило основному стремлению толстовцев – «стремление к безгосударственному коммунизму», где общественная жизнь регулировалась не государственными нормами и обязательствами, а сознанием и совестью². Как считали толстовцы, в рамках закона живет тот, кто не желает выполнять добровольно свои обязательства³. Такова идея идеального общественного устройства для толстовцев, и эта модель проектировалась на устройство коммуны «Жизнь и труд». На ее основе в будущем должно перестроиться и общество: «Община – не по заранее установленным и указанным нормам, а труд добровольный, вне нормы»⁴. Настоящий закон исходит не от государства, а вытекает из жизни свободного общества. Его сущность в необходимости сознательного коллективного труда на пользу себе и обществу. С точки зрения коммунаров-толстовцев, это был вечный жизненный закон, по сравнению с которым государственные законы – переходящие и временные. Выступая за свободный труд, толстовцы противопоставляли труд социалистический по нормам и труд коммунистический по сознанию. Другой немаловажной деталью в видении толстовцами будущего общественного строя являлось бесклассовое общество без социальных, национальных и расовых различий.

Экономическую основу своего существования толстовцы видели не в плановой экономике, а в кооперации. Данная идея красной нитью проходила через написанное толстовцами письмо И.В. Сталину и М.И. Калинину под названием «Вопросы практического проведения безгосударственного коммунизма», являвшееся своеобразным программным документом толстовцев. Согласно данной установке, часть собранного урожая предполагалось оставить в коммуне на семена и потребление, а все остальное «передавать через кооперацию на общепользные нужды общества». Преимущества кооперации толстовцы видели в том, что, в отличие от государства, «кооперация основана на началах добровольности»⁵. При подобном отношении коммуны с обществом, при свободном товарообмене, труде коммунаров «ни принуждению, ни государству, ни налогам – места уже нет». Все это подразумевало сознательность труда. Конечно, в 1930-е годы подобная программа изначально являлась утопичной, но, очевидно, коммунары свято верили в возможность ее осуществления.

Следует отметить и такой важный аспект мировоззрения толстовцев из «Жизни и труда», как неприятие ими войны, антимилитаризм, уходящий корнями еще во время Первой мировой войны. В связи с этим они не желали участвовать в «повинностях, компаниях и займах, связанных с военными целями»⁶. Любое убийство про-

¹ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 118. Л. 166.

² Там же. Л. 164.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 186.

⁵ Там же. Л. 170.

⁶ Там же. Л. 24.

тиворечило их убеждениям. Поэтому толстовцы довольно часто отказывались отправлять юношей на учет в военкомат. Толстовцы активно следили за внешней политикой СССР и событиями в мире. Свои взгляды на проблему войны и мира толстовцы в письмах советскому правительству не скрывали. Они понимали, что причины войн не лежат на поверхности: любая война вызвана «глубинными причинами, сложным узлом неправильных социальных и экономических отношений», которые, на их взгляд, характерны для многих современных им государственных систем¹. По мнению толстовцев, государства, держащиеся «на штыках и пулеметах», могут лишь отсрочить, но не исключить возникновение войн, и для более эффективной борьбы с войнами; нужна инициатива трудящихся. Толстовцы протестовали против милитаризации экономики. Следовательно, пацифизм был неотъемлемой частью сознания толстовцев, исходящего из необходимости свободного развития и всестороннего воспитания личности.

Другой важной чертой сознания толстовцев являлась аполитичность. В одном из официальных протоколов указано, что члены коммуны «Жизнь и труд» отказались выдвигать от себя кандидатов в члены сельсовета². Толстовцы не хотели связывать себя с органами управления, так как для них была неприемлема сама мысль об отношениях с государством.

Рассмотрим специфику образования в «Жизни и труде», где была создана своя школа. Учителями в ней были толстовцы Густав и Гюнтер Тюрк, Евгений Попов, Анна Малород и другие. Школа начала работать осенью 1931 г.³ Стоит отметить, что в отношении образования толстовцы выступали за свободу выбора научных знаний. Занятия в школе велись не по государственным программам, а по собственным. Главной целью школы являлось привитие детям духа деятельного коммунизма, то есть равенства, справедливости, трудолюбия, взаимной помощи, миролюбия и трезвого, скромного поведения. Толстовская школа просуществовала до 1936 г. Толстовцы возлагали особые надежды на школу, основанную на идеалах Л.Н. Толстого. В свою очередь, власть пыталась противодействовать ее деятельности. Так, в 1934 г. Сталинский городской совет принял постановление, согласно которому школа коммуны должна была работать по официальной школьной программе и включиться в сеть государственных школ. Кроме того, запрещались групповые занятия детей на дому. Данное требование толстовцы проигнорировали, как и предписание назначить в школу коммуны «Жизнь и труд» в качестве педагогов учителей из района Сталинского района⁴. В результате 11 апреля состоялся суд над учителями Анной Малород и Клементием Красковским. В итоге школа была закрыта местными органами власти⁵. Многие учителя прошли через ссылки и лагеря, в частности, братья Густав и Гюнтер Тюрки и Ольга Толкач.

Следовательно, базовая нравственная черта толстовцев заключалась в гуманности к людям и исходящими от него вегетарианством и антимилитаризмом, а также неприятием к государству и его структурам, поскольку те противоречили общечело-

¹ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 118. Л. 259.

² Там же. Л. 43.

³ Гроссбейн Б.А. Последователи Льва Толстого в Сибири... С. 610–611.

⁴ Там же. С. 613–618.

⁵ Там же. С. 620.

веческому закону свободного труда и всестороннего развития личности. По этим законам пытались жить толстовцы. Коммуна «Жизнь и труд» продолжала жить автономно, несмотря на проводившуюся массовую коллективизацию.

Вместе с тем, коммуна испытывала активное вмешательство в свою внутреннюю жизнь со стороны государства. На уровне Западно-Сибирского исполкома, Кузнецкого райисполкома, а также партийных органов проводились мероприятия, находившиеся в русле коллективизации: переход коммун на обязательную сдельщину, установление определенных норм сдачи урожая от коллективных хозяйств, повсеместный переход колхозов на устав сельхозартели с 1934–1935 гг. «Жизнь и труд» постоянно сопротивлялась проводимой государственной политике. Многие толстовские общины в силу анархического мировоззрения отказались вставать на учет в сельских Советах. Власть отбирала скот у коммуны, описывала имущество «Жизни и труда». Иногда она изымала часть имущества у коммуны и даже арестовывала некоторых толстовцев. Однажды Сталинский горсовет окрестил «Жизнь и труд» как «хозяйство политически опасное», мотивируя это тем, что коммуна базировалась в Кузнецком промышленном районе. В связи с этим местная власть опасалась агитации со стороны толстовцев в среде рабочих¹. «Политически опасное хозяйство», религиозные фанатики, «классово-чуждые элементы», контрреволюционеры, сектанты – вот далеко не полный перечень ярлыков, которые навешивались на толстовцев. Это неудивительно, поскольку коммунары-толстовцы действительно саботировали многие распоряжения местных властей: отказывались принимать семенную ссуду, ссылаясь на наличие собственной, не принимали к себе возвращаемых коров, понимая, что они взяты у других крестьян насильственным путем, отказались принимать устав сельхозартели.

Ещё одна примечательная черта, характеризующая социальное поведение толстовцев состояла в том, они относились к давлению на коммуны как к исключительной инициативе местной властью, осуществлявшейся вопреки общей политике государства. Подобная позиция до некоторого времени имела реальную почву. Коммунарам периодически с подачи центральной власти приостанавливали денежные взыскания, изъятие имущества, снижали штрафы. А главное по решению ЦК ВКП(б) и ВЦИК была пресечена попытка местных властей упразднить коммуны еще в 1932 г.² В результате подобных постановлений толстовцы видели в центральной власти (в лице Калинина и Сталина) своих заступников. В то же время Западно-Сибирский крайисполком отправлял апелляционные письма в адрес ВЦИК с требованием ужесточить меры в отношении коммунаров-толстовцев.

В свою очередь, толстовцы, писавшие заявления в местные органы по поводу того или иного ущемления, неоднократно ссылались на то, что деятельность толстовских коммун поддерживает ВЦИК. Нам же представляется, что центральная власть поначалу проявляла осторожность по отношению к толстовцам и периодически рекомендовала местным органам не усиливать нажим на коммуны «Жизнь и труд». Чем же объясняются периодические уступки по отношению к коммунам? Очевидно, власть надеялась постепенно перевоспитать толстовцев. Переломной точкой в отношениях между коммуной и государством стал отказ «Жизни и труда» принимать устав сельхозартели. Государство убедилось, что перевоспитать идейных коммунаров невозможно.

¹ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 118. Л. 8.

² Там же. Л. 72.

В итоге в 1937–1938 гг., многие толстовцы были арестованы. По этой причине коммуна не могла продолжать нормальную трудовую жизнь. Если в 1920-е годы была возможность освобождения толстовцев из зала суда, то в 1930–1940-е годы их, либо расстреливали, либо отправляли в лагеря. С 1 января 1939 г. постановлением Кузнецкого райисполкома коммуна «Жизнь и труд» была переведена на устав сельхозартели и после перераспределения имущества прекратила существование. По свидетельству Д.Е. Моргачева, с 1936 по 1940 г. в коммуне «Жизнь и труд» было арестовано и осуждено 65 чел. В 1941–1945 гг. за отказ от мобилизации в РККА осуждено более 100 чел.¹

Таким образом, толстовцы, также как и большевики, стремились к социалистическим идеалам и выступали за коллективистскую жизнь. Однако они не были согласны с бюрократическими методами реализации этих идеалов. Анархическое по сути социальное поведение коммунаров не могло не провоцировать государственные органы на репрессивные меры. Но в этом случае главным принципом толстовцев являлось сопротивление злу ненасилием. Ведь анархизм занимал центральное место в их политическом сознании. Они не преследовали никаких политических целей, а стремились жить в соответствии с религиозными взглядами, которые проповедовал Л.Н. Толстой. Для него соблазн государства являлся самым страшным из соблазнов. Суть его состояла в том, что люди, находящиеся во власти, оправдывают свершение ими зла благом других людей, народа, человечества. Отрицание государства толстовцами было основано на протесте против его права распоряжаться жизнью и судьбами других людей. Анархизм толстовцев был основан на отрицании насилия и признании за каждым человеком права на самостоятельное устройство жизни, без принуждения. Следовательно, толстовцы из «Жизни и труда» выступали не за государственный, а за этический социализм. Пацифизм, антиэтатизм, аполитичность являлись главными чертами их социального поведения. Многие в идеях коммуны «Жизнь и труд» являлось утопичным для своего времени, в частности предложение о кооперации как хозяйственной основе. Последняя являлась для толстовцев идеалом экономической системы, поскольку кооперация, на их взгляд, основывалась на свободном труде. Они не признавали государства, и если местные органы власти ориентировались в основном на нажим в отношении толстовцев, то центральная власть относилась к толстовцам осторожно. Это позволило просуществовать коммуне до конца 1930-х годов. Когда власть убедилась, что «Жизнь и труд» невозможно превратить в лояльную государству организацию, коммуна в условиях репрессирования ее членов и перевода этой организации на устав сельхозартели прекратила свое существование.

¹ Мелешко Е.Л. Толстовские земледельческие коммуны // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/library/14_n/en/asilie_04.htm